Еврейские акценты Валентина Катаева

Прапорщик Катаев, 1916 *В зрелые годы*

Несомненно, Катаев — очень большой писатель. Из тех, кого называют классиками. И очень неоднозначная личность. Порой его поступки восхищают, но иногда хочется хорошенько вымыть руки с мылом. Не избежал он и обвинений в антисемитизме.

От черносотенца до коммуниста

Литературное творчество одессита Катаева началось еще в гимназическую пору… с любования черносотенцами в газете «Одесский вестник» — в ту пору издания «Союза русского народа»:

Волнуется русское море,

Клокочет и стонет оно,

…племя иуды не дремлет,

Шатает основы твои,

Народному стону не внемлет

И чтит лишь законы свои.

Так что ж! Неужели же силы,

Чтоб снять этот тягостный гнет,

Чтоб сгинули все юдофилы,

Россия в себе не найдет?

Да, Катаев был искренним монархистом и сторонником черносотенцев, что не помешало дружбе с евреями. Например, с Эдуардом Багрицким и поэтом Натаном Шором. В годы Гражданской войны писатель, согласно официозной биографии, воевал в Красной армии. На самом деле всё сложнее: власть в Одессе хронически менялась, и Катаев побывал и у красных по мобилизации, и в армии Деникина — артиллеристом на бронепоезде. Вероятно, успел послужить и в украинской армии гетмана Скоропадского.

В 1920-м Катаев участвовал в белогвардейском офицерском заговоре в Одессе. ЧК собиралась его расстрелять. От смерти спас чекист-еврей Яков Бельский. Об этом пишет в своей мемуарной книге Павел Катаев — сын Валентина. Катаев и Бельский были знакомы еще с детства и, вероятно, когда Одесса была захвачена белыми, Бельский скрывался в его квартире. Теперь Бельский отдавал долг, «доказав», что Катаев — не враг, хотя прекрасно знал о его белогвардействе.

Эдуард Багрицкий, Валентин Катаев, Яков Бельский

В Одессе на долгие годы утвердилась советская власть, а Катаев стал знаменитым советским писателем, больше никогда не помышлявшим о каких-либо поползновениях против нее. Конформист, орденоносец, Герой Социалистического труда, выездной. Хвалил кого надо: Ленина, Октябрь, партию, перевоспитание заключенных на Беломорканале. Ругал тоже кого надо: «антисоветчиков» Солженицына и Сахарова, в 1930-е требовал смертной казни для троцкистов, зиновьевцев и прочих «врагов народа». Как и другие люди подобного психологического склада, Катаев был храбр в боях, но осторожен с властью.

Поэт Борис Чичибабин писал о двух советских классиках:

Я грех свячу тоской.

Мне жалко негодяев —

как Алексей Толстой

и Валентин Катаев.

Мне жаль их пышных дней

И суетной удачи:

Их сущность тем бедней,

чем видимость богаче.

А Сергей Довлатов посвятил Катаеву фельетон «Чернеет парус одинокий», где остроумно высмеивает его раболепство перед властью, идейное рвение и размышляет «о таинственном феномене» Катаева. Довлатов вспоминает, что при исключении Пастернака из Союза писателей многие видные писатели сказались больными, а Катаев приехал. Как приехал и голосовать, даже будучи серьезно болен, за исключение из того же Союза талантливой писательницы Лидии Чуковской (дочери Корнея).

Писатель в 1930-е годы

Но числились за Катаевым и другие поступки: помощь репрессированному Осипу Мандельштаму, письмо деятелей культуры Брежневу против реабилитации Сталина, он даже был одним из четырех не голосовавших за исключение из СП Александра Галича.

«Стройная, длинноногая, в серебряных туфельках…»

Из трех жен Катаева две были еврейками: первая и третья. В 1921-м он женился на Людмиле Гершуни, но год спустя супруги развелись. В 1923-1936 гг. был женат на Анне Коваленко. А вот с третьей супругой Эстер Давыдовной Бреннер, которая была младше его на 16 лет, Катаев прожил около полувека, они вырастили двоих детей. Ей посвящен «Белеет парус одинокий». По мнению писателя Сергея Шаргунова, в книге «Алмазный мой венец» Катаев фактически портретирует молодую Эстер: «Стройная, длинноногая, в серебряных туфельках… поражающая длиной загнутых ресниц, за решеткой которых наркотически блестят глаза».

Писатель Анатолий Гладилин утверждал, что «имя Эстер вписано в историю русской литературы XX века… Именно она создавала тот домашний уют, ту рабочую обстановку на даче в Переделкино, благодаря которой Валентин Петрович до конца своих дней писал книгу за книгой».

Дочь писателя вышла замуж за редактора журнала «Советиш Геймланд» Арона Вергелиса. Рассказывают, что прозаик Лев Славин говорил Катаеву: «Валя, вам придется закрыть свой гараж и открыть синагогу».

Катаев с женой Эстер и детьми, 1945

Друзья

В окружении Катаева было много евреев. После выхода из тюрьмы Катаев тесно дружил с Бельским, который вскоре ушел из ЧК — такая работа ему не импонировала. Был журналистом, писал стихи, рисовал, пока не расстреляли в 1937-м. Валентин добросовестно пытался вернуть его имя в литературную историю, сюжеты из жизни Бельского присутствуют в катаевских произведениях.

Когда Илья Ильф перебрался в Москву, где никто его не знал, Катаев помог: поселил в своей комнате и устроил в газету «Гудок». Сказку «Цветик-семицветик» Катаев посвятил другу — талантливому писателю-еврею Борису Левину, погибшему на советско-финской войне.

В повести «Белеет парус одинокий» Катаев дает эффектное описание погрома 1905 г. в Одессе: «...та низкая и темная туча, которая лежала на горизонте Куликова поля... вовсе не туча, а медленно приближающаяся толпа... Из толпы выбежала большая, усатая, накрест перевязанная двумя платками женщина с багрово-синими щеками. Ее выпуклые черные глаза цвета винограда «изабелла» были люто и решительно устремлены на окна. Она широко, по-мужски, расставила толстые ноги в белых войлочных чулках и погрозила дому кулаком.

— А, жидовские морды! — закричала она пронзительным, привóзным голосом. — Попрятались? Ничего, мы вас сейчас найдем! Православные люди, выставляйте иконы!..

На тротуар полетели стекла. Загремело листовое железо сорванной вывески. Раздался треск разбиваемых дверей и ящиков. Вся озверевшая толпа со свистом и гиканьем окружила дом».

После погрома в Одессе

Антисемитизм Катаева?

Повесть Катаева «Уже написан Вертер» вышла в «Новом мире» в 1980 году. В ней Одесса, 1920 год, ЧК, полотнище кумача с лозунгом «Смерть контрреволюции!», на стене портрет Троцкого, чернокожаные комиссары, расстреливающие врагов советской власти. В том числе и участников «врангелевского заговора», готовивших вооруженное восстание. Среди заговорщиков и Дима — художник, бывший юнкер, из богатого дома, русский.

А вот среди его «оппонентов» заметно представлены евреи. Предгубчека Макс Маркин рисуется так: «У Маркина был неистребимый местечковый, жаргонный выговор. Некоторые буквы, особенно шипящие, свистящие и цокающие, он произносил одну вместо другой, как бы с трудом продираясь сквозь заросли многих языков — русского, еврейского, польского, немецкого».

А вот особоуполномоченный ЧК по чистке органов от проникших туда врагов Наум Бесстрашный (в этом образе легко угадывается Яков Блюмкин): «Он стоял в позе властителя, отставив ногу и заложив руку за борт кожаной куртки. На его курчавой голове был буденновский шлем с суконной звездой... его богом был Троцкий, провозгласивший перманентную революцию... Во что бы то ни стало, хотя бы для этого пришлось залить весь мир кровью».

Яков Блюмкин

Дима борцом с большевиками не был. Передал какое-то письмо. А выдала его жена — Инга Лазарева, русская, сотрудница ЧК, вышедшая замуж за него «по заданию».

Среди нескольких выводимых чекистами на расстрел встречаем и человека с характерной еврейской фамилией: «Вайнштейн, как только услышал свою фамилию, до неузнаваемости переменился в лице, поднял согнутые в локтях руки и, как бы жеманно вытанцовывая фрейлахс, на цыпочках, осторожненько, осторожненько, с ничего не видящими безумными глазами протанцевал в коридор, вполголоса напевая с сильным акцентом: «Каустическая сода, каустическая сода...» — как бы желая отстранить от себя эту проклятую каустическую соду, спрятанную в подвале и теперь отнявшую его жизнь».

Мать Димы Лариса Германовна отчаянно пытается спасти его: «...она чувствовала, что есть какой-то один-единственный, но верный способ...». И этим способом оказывается еврей Серафим Лось (Глузман), бывший эсер-боевик, который «когда-то бывал у них на даче. Даже читал что-то свое, революционно-декадентское». Она срочно бежит к нему. И вот едва знакомый с ней Глузман сразу спешит на помощь: «Да, да, конечно, сейчас же». Лось «нашел... свои деревянные сандалии, сунул в них босые ноги», и они с Ларисой Германовной побежали в ЧК.

Лось попросил Маркина выпустить юнкера «во имя нашей старой дружбы». Тот сначала угрожал застрелить Глузмана на месте, но затем согласился отпустить Диму. Что же делает Инга, узнав, что ее мужа выпустил Маркин? «Ага! – почти с торжеством крикнула она... — Я так и думала. Он бывший левый эсер. Значит, контра пролезла даже в наши органы! Ну, мы еще посмотрим». И бежит жаловаться Науму Бесстрашному. Председатель губчека Маркин, комендант, не исполнивший приговор, Серафим Лось, а заодно и... жена-сексот Инга были расстреляны.

THE BOLSHEVIST HOUSE OF TORTURE AT ODESSA.

The Rev. R. Courtier-Forster, whose portrait is given on the right, wrote a vivid letter to "The Times" describing the fiendish Bolshevist atrocities of which he was an eye-witness while British Chaplain at Odessa. He was imprisoned in the house in Catherine Square which became the Bolshevist House of Torture, where hundreds of victims were done to death in the most fiendish manner. We give two views of this house. On the left: Shot-holes in the wall. Here many men, women, and even children were killed. Centre: British sailors outside the Torture House after its capture from the Bolshevists.

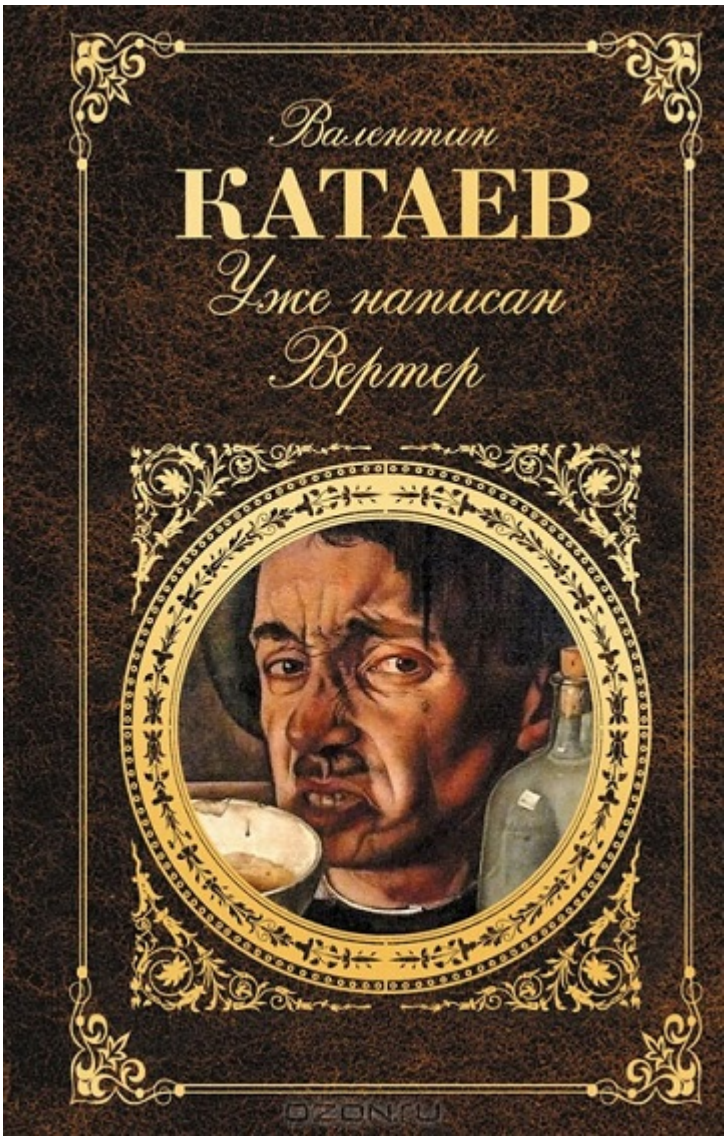
Заметка в английской The Times о зверствах Одесской ЧК, 1919

А спустя время «меч революции» опустился и на Наума, задержанного на границе с письмом, которое он вез от изгнанного Троцкого к Радеку.

Повесть названа строчкой Пастернака, его же строчками она и завершается: «Наверно, вы не дрогнете, сметая человека. Что ж, мученики догмата, вы тоже — жертвы века».

Редакция «Нового мира» публиковать повесть не хотела. Однако ее одобрил сам главный партийный идеолог и покровитель Катаева Михаил Суслов. И она вышла с редакционным вступлением, где читателям разжевывали, что «зловещая тень Троцкого порой нависала над революционными завоеваниями народа», а выходцы из левых эсеров «не могли преодолеть своей мелкобуржуазной сущности».

После выхода разразился большой скандал. Было много писем, возмущенных «белогвардейским антисемитизмом» Катаева. Недоволен остался и председатель КГБ Юрий Андропов, писавший в ЦК, что повесть играет на руку противникам социализма, искажает правду о Великой Октябрьской и ВЧК. Публично обсуждать «Вертер» было запрещено, так что скандал получился подковерным.

Но к нему возвращаются и годы спустя. Так, бывший советский литератор, а ныне американский исследователь антисемитизма Семен Резник видит в книге «антисемитскую струю»: революция «представлена как ужас и изуверство, творимые евреями».

Хотя Катаев не антисемитизм стремился разжигать, а реалистически отображал ЧК тех времен, одесское отделение которого возглавлял Макс Дейч. Сомнительно, что лично Блюмкин посещал Одессу в своем «катаевском» качестве, но других блюмкиных было немало.

И, да, Троцкий на многое тогда влиял. Хотя, обвиняя Троцкого, Катаев не заметил Ленина, разделив их в традиции советской лжеистории. Троцкий у него «нес на штыках мировую революцию», а канонический Ленин «предлагал мирное сосуществование». Не заметил Катаев и того, что ВЧК — парафия Феликса Эдмундовича (еще одного канонизированного советской властью), а не Льва Давидовича.

В то же время представлены негативные образы не только евреев, но и русских: и сам Дима, и его отец, и чекистка Лазарева. К слову, еврей Лось — единственный, кто помог освободить Диму. И сделал это без колебаний. При этом Катаев показывает, что большевики убивали людей разных национальностей, в том числе, евреев.

Хотя некоторые вопросы остаются. Особенно это касается квартирной хозяйки Димы, опасавшейся, что ее могут расстрелять за укрывательство беглеца. Судите сами: «...увидев его, квартирная хозяйка, жгучая еврейка с преждевременной сединой в иссиня-черных волосах, в бумазейном капоте, застегнутом на горле английской булавкой, вдруг затряслась как безумная, замахала маленькими толстенькими ручками и закричала индюшачьим голосом: «Нет, нет! Ради бога, нет! Идите отсюда! Идите! Я вас не знаю! Я о вас не имею понятия! Вас расстреляны, и теперь вас здесь больше не живет! Я вас не помню! Я не хочу из-за вас пострадать! Убирайтесь!».

Белогвардейские карикатуры на Троцкого

Так ли обязательно было указывать ее национальность? И так ли обязательно было красочно расписывать шепелявость, толстые губы и иные внешние особенности чекистов? И нужно учитывать, что все это происходит в стране СССР, где антисемитизм — и государственный, и бытовой — и так бурно правит бал, о чем Катаеву прекрасно известно. «Как слово наше отзовется…»

Антисемиты взяли творение Катаева на вооружение. Так, известный юдофоб Станислав Куняев, прочитав книгу, захлебывается от антисемитского восторга и приписывает автору то, о чем тот и не думал: «Катаев сознательно и продуманно осуществил план своего исторического реванша… Он либеральничал, воспитывал аксеновых и гладилиных, ездил по миру с Эстер, юдофильствовал, а в своей рабочей келье с мстительным наслаждением сочинял поистине судьбоносную повесть… Наверное, великий Валюн ценил Сталина и многому учился у него. Терпению и умению ждать своего часа, потому он и сумел обмануть «юдофилов». Коварно и блестяще. Можно сказать, по-сталински». Что тут скажешь? Яркий пример использования лекал советской пропаганды, где 20% правды обильно перемешаны с 80% лжи.

«Они сидели, как живые»

Рассказ «Отче наш» 1946 года. Мальчику четыре года. «Мама, куда мы идем? — Я тебе сказала: гулять. — А зачем ты взяла чемоданчик? — Потому что так надо». Оккупированная Одесса, зима, евреев сгоняют в гетто.

«Женщина была похожа на русскую. Мальчик тоже был похож на русского. У мальчика отец был русский. Но это ничего не значило. Мать была еврейка. Они должны были идти в гетто».

И знакомых в городе нет, у которых можно попытаться переждать, хотя бы ребенка оставить. Мальчик замерз, хнычет. А на дворе чудовищные 25 градусов мороза. Тогда женщина с мальчиком зашли в кинотеатр. Здесь было тепло и можно было сидеть. «Мальчик сейчас же заснул, обхватив обеими руками ее руку выше локтя». Она просидела подряд два сеанса, с трудом понимая, что происходит на экране. Последний сеанс закончился, пришлось опять выйти на улицу. Уже ходили патрули. Комендантский час.

Убитые евреи в селе близ Одессы, 1941

Они пошли в парк Шевченко, здесь было тихо, безлюдно, длинный ряд пустых скамеек…

На следующее утро по парку проехал грузовик, подбиравший трупы замерзших ночью людей. «Он остановился возле скамейки, где сидела женщина с мальчиком. Она держала его за руку. Они сидели, как живые… Когда грузовик отъезжал, в рупоре уличного громкоговорителя нежный детский голос произнес с ангельскими интонациями: «С добрым утром! С добрым утром!». Потом тот же голос …очень проникновенно прочел по-румынски молитву: Отче наш, иже еси на небесех! Да святится имя твое, да приидет царствие твое».

После такого невероятно трогательного рассказа можно ли говорить о циничности Катаева?

Скорее, филосемит

Есть много свидетельств приспособленчества Катаева. Он, что называется, «колебался вместе с линией партии». Только партия у него менялась — царь и черносотенцы, белые, Скоропадский, КПСС…

Катаев — это улица с двусторонним движением, где позитив и негатив соседствуют. Проявлялась ли присущая Катаеву циничная прагматичность — «…чтоб, к веку приспособясь, за лакомый кусок отдать талант и совесть» (Чичибабин) — в «еврейском вопросе»? Полагаю, нет. Гораздо больше оснований называть его филосемитом.

Александр Кумбарг, «Еврейская панорама»